

ПАТРИЦИЯ ВЕНТВОРТ

СВЕТЯЩЕЕСЯ
ПЯТНО

Часть сборника: Светящееся пятно. Кольцо вечности

Мисс Сильвер

Патриция Вентворт
Светящееся пятно

«Издательство АСТ»

1947

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Вентворт П.

Светящееся пятно / П. Вентворт — «Издательство АСТ»,
1947 — (Мисс Сильвер)

Грегори Поллок устраивает вечеринку, но она выглядит больше зловещей, нежели дружеской: каждому из присутствующих есть что скрывать, у каждого имеются веские причины не любить и бояться Грегори. И пока один притворяется радушным хозяином, а другие – беззаботными гостями, кому-то отлично удастся роль убийцы...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Вентворт П., 1947
© Издательство АСТ, 1947

Содержание

Священное пятно	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Патриция Вентворт

Светящееся пятно

© Patricia Wentworth, 1947, 1948

© Школа перевода В. Баканова, 2021

© Перевод. Е. Токарев, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Светящееся пятно

Глава 1

В четыре часа дня восьмого января Доринда Браун переступила порог клуба «Вереск», даже не подозревая, что делает первый шаг навстречу событиям самым необычайным. Расскажи ей кто об этом, она лишь рассмеялась бы в ответ. Она вообще легко смеялась – сощурившись, запрокинув голову и демонстрируя два ряда великолепных белоснежных зубов. Джастин Лей как-то заметил, что, когда она смеется от души, можно пересчитать ее зубы. Многие обиделись бы, а Доринда расхохоталась и сказала: «Считай на здоровье! Все пока на месте».

«Вереск» только именовался клубом. На деле же являлся гостиницей (довольно захудалой) или же «отдельными номерами» (дешево и безвкусно отделанными). Название придумала хозяйка заведения – мисс Доналдсон, она же украсила тесную и темную прихожую вазой с шотландским вереском, что с гордостью считала проявлением одновременно и патриотизма, и хорошего вкуса. Впрочем, «отдельные номера» сказано было довольно громко, поскольку особой отделенности друг от друга клуб «Вереск» постояльцам не предоставлял. Некогда один из самых больших особняков в округе ныне утратил былое величие – его просторные комнаты разгородили, словно порезали добрый шмат мяса на тоненькие дольки, и получились отсеки, в которых едва помещалась кровать. В некоторых отсеках было окно – одно на двоих, а в остальных имелись лишь щели для вентиляции, через которые не проникал свежий воздух в жару, зато продувало до костей в холода. Доринда жила в отсеке со щелью.

В прихожей Доринде повстречалась мисс Доналдсон – высокая, худощавая и суровая на вид шотландка. Суровость была напускной. Люди робели только сперва, а потом быстро понимали: за чопорной манерой, прилизанной прической и нахмуренными бровями скрывается добрая и простодушная женщина, которая честно зарабатывает на кусок хлеба и больше ни о чем не мечтает.

– Мисс Дональдсон! – воскликнула Доринда. – Меня взяли!

– В то самое место?

Хоть Ефимия Доналдсон жила в Лондоне уже двадцать лет, ее шотландский акцент ни капли не смягчился.

Доринда кивнула:

– Да, туда!

– И это не в Шотландии?

Доринда отрицательно покачала головой.

– Хорошо бы в Шотландии... там родственники...

Доринда снова покачала головой.

– У меня никого.

– Странно, – разочарованно протянула мисс Дональдсон, – в вашем-то возрасте! Даже у меня осталось тридцать пять родных, если считать четвероюродных и пятиюродных. А я перебралась на юг уже больше двадцати лет назад.

Звук «р» в ее речи был раскатистым, словно барабанная дробь.

– Ну, про пятиюродных я не подумала, – рассмеялась Доринда.

– Это потому, что ваша мать англичанка... Кстати, мистер Лей, который вам звонит, – с материнской стороны родственник?

– Не совсем родственник... Очень дальний. Седьмая вода на киселе – в лучшем случае.

Мисс Дональдсон ответила типично шотландским хмыканьем, которое способно выразить все что угодно. В данном случае – что мисс Доналдсон понимает, что Доринда имеет в

виду, и категорически не одобряет ход ее мыслей. В добавок к хмыканью она произнесла, раскатисто рыча на «р»:

– Родня есть родня, нравятся они тебе или нет. В беде кто еще поможет?

Мисс Доналдсон удовлетворенно замолчала, и Доринда, улыбнувшись широкой лучезарной улыбкой, пошла своей дорогой.

– Мне нужно позвонить, – сказала она.

Мисс Доналдсон снова хмыкнула и удалилась в унылую каморку, которую именовала «кабинетом».

Доринда юркнула в телефонную будку и прикрыла за собой дверь. Будка была единственным местом в доме, где тебя никто не подслушивал. Жители отсеков слышали каждый шорох соседей в пределах четырех стен некогда просторной комнаты. В прихожей, в коридорах, в столовой и в гостиной: повсюду хватало чутких ушей. У некоторых пожилых соседок вообще не было иной радости в жизни. Они целыми днями шпионили, а вечером садились плотным рядом у камина и обменивались информацией. Например, когда ты принимал ванну, они по звуку определяли, сколько набрано воды, чтобы покрыть позором наглого расточителя. Джудит Крейн, например, принимала по две ванны в день – вот уж ее костерили самым безжалостным образом; на свое счастье, она быстро съехала.

А телефонная будка действительно была со звукоизоляцией. Смотрелось забавно – люди беззвучно открывали рот за стеклом, будто аквариумные рыбки, зато внутри ты чувствовал себя полностью защищенным от мира. Однако не был одинок – стоило только покрутить волшебный диск, чтобы пригласить в свой мирок кого угодно – в пределах разумного, конечно.

Доринда покрутила диск, вложила монетку в отверстие и стала ждать. Со стороны она представляла собой весьма приятную картину. Не так уж часто встречаются радостные лица – все больше усталые, нахмуренные, сердитые и раздраженные. А Доринда почти всегда была довольна. Она умудрялась улыбаться даже у зубного врача несмотря на то, что втайне трепетала перед таинственным сверлильным устройством, притаившимся в засаде у кресла. Она шла по жизни улыбаясь – иногда назло неприятностям, хотя чаще естественно и непринужденно, – и глаза ее при этом тоже смеялись.

Они блестели и отдавали золотом, особенно когда Доринда была довольна или расположена к собеседнику. Волосы у нее были золотисто-каштановые и очень густые. Джастин Лей однажды назвал их цвет ореховым. И снисходительно пояснил, что имеет в виду не сам орех, а отполированное ореховое дерево. Доринда, которой на тот момент было лет десять, отправилась в гостиную и долго стояла перед письменным столом, пытаясь понять – комплимент это или нет. Для сравнения она приложила косичку к поверхности. Да, цвет определенно тот. А если волосы тщательно расчесать, они тоже блестели, как полированная столешница. С тех пор она всегда тщательно расчесывалась. Однако ходить с косой ей все равно не нравилось, потому что у всех одноклассниц были короткие стрижки. Доринда как-то взяла ножницы тети Мэри и отстригла косу – со свойственной ей решительностью и не теряя хорошего настроения. Далее последовала бурная семейная сцена, в ходе которой Доринда сохраняла улыбку на лице и полное спокойствие в сердце – косу ведь обратно не приделаешь. Щеки у Доринды были румяные, с ямочками, губы яркие даже без помады, всегда готовые широко улыбнуться. Рост у нее был пять футов пять дюймов (в обуви), а фигура приятная – с формами, но без лишнего веса.

В трубке щелкнуло, и голос Джастина Лея произнес:

– Ал-лоу!

Он всегда отвечал на звонки в небрежно-аристократическом тоне.

– Слушай... – начала Доринда, начисто пренебрегая правилами хорошего тона.

– А поздороваться? – спросил Джастин.

– Привет. Так вот – меня взяли!

– Да? Неужели?..

Тон у Джастина был скучающий, однако Доринда ни за что бы не поверила, что кто-то действительно способен скучать, когда она сама воодушевлена и счастлива. Она начала торопливый и подробный рассказ.

– Я увидела объявление. Одна девушка мне показала во время обеденного перерыва. Ну то есть, ее обеденного перерыва, а не моего. Она-то работает в офисе.

– А ты разве не обедаешь?

– Обычно обедаю, а сегодня не успела, потому что увидела объявление и сразу побежала по указанному адресу – в отель «Кларидж». Там уже сидели шесть претенденток, и они мне не очень-то обрадовались, понятное дело. И я подумала: если тут с утра очередь, у меня шансов нет. Я заходила последняя, и миссис Окли сказала, что у нее уже голова кружится от беседований. Передо мной была рыженькая девушка, и она, когда вышла в коридор, заявила громким шепотом, чтобы все слышали:

– Ад крошечный! Я не стала бы на нее работать даже за тысячу в год!

И ногой топнула. Потом усмехнулась и добавила:

– Впрочем, за тысячу, наверное, стала бы. Только вскоре перерезала бы ей горло. Ей, себе и всем, кто попадется под руку.

В голосе Джастина промелькнули нотки заинтересованности, ему не свойственные:

– Незнакомка посвящает тебя в убийственные замыслы прямо в коридоре... Интересно! И почему со мной такого не случается? Что же ты ответила?

– Я спросила: «Почему?»

– До чего логично!

– А она ответила: «Сами увидите. На такое соглашаются только на грани нищеты». А я сказала: «Как раз мой случай».

– Неужели?

– Ну практически, – неунывающим голосом ответила Доринда.

– Ты поэтому не обедаешь?

Она рассмеялась.

– Теперь уже не важно, потому что меня взяли! Когда я зашла, миссис Окли лежала на диване, шторы были почти полностью задернуты – оставлена только узкая щель. Полоска света падала на стул, куда полагалось сесть, чтобы тебя получше рассмотрели.словно выходишь на сцену, только без грима и костюма...

– Продолжай!

– Поначалу я совсем ничего не видела, слышала только голос – весьма раздраженный. Потом глаза привыкли, и я ее рассмотрела: волосы густые, светлые, очень ухоженные, видно, она следит, чтобы не поседели. Лет около сорока. А ведет себя, как избалованная девочка – знаешь, бывают такие люди... Пеньюар божественно красивый, нежно-розовый, и золотистый пузырек нюхательной соли – как в кино!

– Кто она?

– Миссис Окли. Ее мужа зовут Мартин, он финансист. У них пятилетний сынишка и горы денег. Сын тоже Мартин, однако они называют его Марти – жуткое имечко для ребенка, правда?

– Правда. Продолжай!

Доринда продолжила:

– Сначала она лишь застонала и пожаловалась, что у нее от соискательниц голова разболелась. А я поинтересовалась – неужели ни одна не подошла. А она говорит: нет, у них голоса неприятные. Нужен голос, чтобы не нервировал, а последняя девица вообще – фурия. Я спросила, как ей мой голос. Ведь если он тоже неподходящий, какой смысл мне сидеть в луче света и отнимать у нее время. Она долго нюхала соли, а потом заявила, что я действую успокаивающе. Больше она на меня не смотрела, но будет платить три фунта в неделю!

Джастин не выразил должного восторга.

– А что за работа? Какие у тебя обязанности?

Доринда хихикнула.

– Должность называется «личный секретарь». Думаю, я буду делать все, чего миссис Окли, по причине своей хрупкости, делать не в состоянии: писать записки, отправлять цветы, отвечать на телефонные звонки. Про телефон она долго рассказывала. Ей звонят, а она порой не может слышать даже самых близких друзей, к тому же нужно сохранять силы к приходу Мартина. Также буду присматривать за Марти, если няня берет выходной, ну и всякое такое.

– И где ты будешь выполнять эти важные обязанности? В «Кларидже»?

– О нет, у нее в Суррее «загородный дом», как она выразилась. Там будет она, Марти, няня, я и прислуга – а по выходным всегда приглашают гостей. Думаю, дом огромный... Называется Милл-хаус. Выезжаем завтра!

Джастин помолчал и заметил с плохо скрываемой неприязнью:

– Наверняка сырость, в подвале вода стоит, а ботинки за ночь покрываются плесенью.

Доринда покачала головой.

– Нет, миссис Окли ничего такого не говорила. Дом на вершине холма. Раньше там стояла мельница, но разрушилась. Я тебе все подробно расскажу в письме. Ты понял, что я прямо завтра уезжаю?

– Да. Давай сегодня поужинаем вместе.

Доринда снова рассмеялась.

– Ну, не знаю...

– Это еще почему?

– Я собиралась поужинать с Типом при условии, что он возьмет с собой Баззера, и неизвестно, возьмет он его или нет...

– Все! Заеду в половине восьмого! – отрезал Джастин самым безапелляционным тоном.

Глава 2

Мартин Окли вышел из кабинета Грегори Порлока и закрыл за собой дверь. Некоторое время постоял, держась за ручку, словно размышлял – не вернуться ли. Он был высок, сухопар и бледен, с редяущими волосами и подернутыми дымкой темными глазами. Постояв, решился и, хмурясь, направился вниз по ступеням, не дожидаясь лифта. Если бы его увидела Доринда Браун, она обязательно изумилась бы необычайному сходству с темненьким сердитым мальчиком, которого мельком увидела, выходя из покоев миссис Окли. Однако Доринды рядом не было, она как раз увлеченно разговаривала по телефону с Джастином Леем в будке клуба «Вереск». Таким образом, необычайное сходство осталось незамеченным.

В кабинете, откуда только что вышел Мартин Окли, сидел, приложив к уху телефонную трубку, Грегори Порлок – приятный во всех отношениях мужчина – и ждал, когда мистер Тоут на другом конце скажет: «Аллоу». Убранство кабинета было изысканным и продуманным до мелочей. Мистер Порлок называл свое агентство «ведущим», и любой вошедший в кабинет убеждался, что дела у мистера Порлока идут как нельзя лучше. Обстановка свидетельствовала о наличии солидного счета в банке – от ковра на полу до картин на стенах. Интерьер был отнюдь не кричащий, однако говорил сам за себя. Богатство хозяина было явным, но не показным. Одежда мистера Порлока соответствовала интерьеру. Она была великолепна сама по себе, тем не менее не служила компенсацией недостатков фигуры, а скорее подчеркивала достоинства. Мистер Порлок был на редкость привлекательным мужчиной со здоровым цветом лица, пронзительными черными глазами и необыкновенно густой пепельно-седой шевелюрой. Лет ему было между сорока и пятьюдесятью, и, вероятно, за последние десять лет он прибавил несколько фунтов в талии, что, впрочем, его не портило, а придавало солидности.

В трубке щелкнуло, и мистер Тоут сказал:

– Алё!

Мистер Тоут не грешил дефектами речи, разве что в глубоком детстве. Однако всякий раз в трубку машинально говорил «Алё!», как, впрочем, многие.

Грегори Порлок любезно улыбнулся, хоть собеседник его и не видел, и произнес:

– Аллоу! Здравствуйте, Тоут! Как поживаете? Это Грегори Порлок.

В трубке затрещало.

– А как миссис Тоут? – продолжил Грегори. – Я бы хотел пригласить вас в гости на выходные. Нет-нет! Отказы не принимаются!

В трубке снова затрещало. Мистер Тоут сочинял отговорки:

– Я не знаю, смогу ли... Жена неважно себя чувствует...

– Мне очень жаль, дружище. Вероятно, перемена места пойдет ей на пользу, мой Грэндж-хаус, конечно, старинный, однако оснащен центральным отоплением, обещаю, что что не дам вашей жене замерзнуть! И компания собирается приятная. Вы знакомы с семейством Мартина Окли?

– Я встречал Мартина.

Грегори Порлок рассмеялся.

– А жену нет? Я, кстати, тоже не имел удовольствия. Они ночевать не останутся, так как недавно переехали в дом по соседству. Громоздкая развалина, по-моему... Только не говорите Окли! Он уверен, что купил великолепный дом. Я их приглашу на ужин. Они мои ближайшие соседи, и я намерен познакомиться с миссис Окли. Говорят, она хороша собой. Ну так как? Вы приедете?

Мистер Тоут с трудом слотнул.

– Вряд ли нам удастся...

– Дружище Тоут! Вы получили письмо с адресом и датой? Кстати, у меня есть пара документов, которые, возможно, будут вам интересны. Нам бы обсудить их при встрече – по-дружески, знаете ли. Неплохая мысль, на мой взгляд. Вы согласны? Вот и чудно! До свидания!

Едва повесив трубку, мистер Порлок набрал другой номер. На этот раз ответила женщина:

– Мойра Лейн слушает!

Голос был приятный и выдавал аристократическое происхождение, чего нельзя было сказать о мистере Тоуте.

Грегори Порлок представился, собеседники обменялись любезностями. Мисс Лейн получила приглашение провести выходные в загородном доме, которое с готовностью приняла.

– С удовольствием приеду! А кто еще будет?

– Тоуты. Вы вряд ли их знаете, и не уверен, что много потеряли. У меня небольшое дельце к мистеру Тоуту.

– Он из нуворишей?

– Верно. Жена вечно обвешивается украшениями, чтобы никто не сомневался в их богатстве.

Мойра мелодично рассмеялась.

– А что она из себя представляет?

– Да так. Серая мышка.

– Ох, Грег!..

– Вам необязательно с ней общаться. Еще приглашены мистер и мисс Мастерман – брат с сестрой. Недавно получили большое наследство от престарелой кузины.

– Есть же на свете везунчики! – шутливо вздохнула мисс Лейн.

Грегори рассмеялся.

– Не переживайте, надеюсь, и вам повезет!

– А кто еще?

– Ах, да! Леонард Кэрролл – специально для вас!

– О, Грег, дорогой! Почему специально для меня?

– Почти так же молод и прекрасен.

– Вы милы, однако нам обоим стукнет тридцать в самом ближайшем будущем.

Грегори снова засмеялся.

– Прекрасный возраст! Выражаясь детским языком – у вас на десерт теперь не только хлеб с маслом, вы доросли до настоящих пирожных.

Мойра дунула в трубку, посылая воздушный поцелуй.

– Лен действительно придет? Последний раз, когда я его видела, он заявил, что его график расписан на несколько месяцев вперед. Вот что значит популярный артист эстрады!

– Самый популярный артист эстрады, – поправил Грег. – Звание просто артиста его вряд ли устроило бы. И да – он будет. Что ж, в таком случае, до скорой встречи!

Грегори с довольной улыбкой повесил трубку.

Затем снова стал крутить диск.

– Это «Люкс»?

– Да, сэр.

– Подскажите, пожалуйста, мистер Леонард Кэрролл закончил выступление?

– Да, сэр, он только что освободился.

– Вы не могли бы ему передать, что его спрашивает Грегори Порлок? Я подожду.

Ждать пришлось довольно долго. Грегори коротал время, мыча под нос мелодию старинной шотландской песенки. Постепенно мычание перешло в песню:

«Любовь моя навечно,

Не брошу я тебя.
Скорее обмелеют
Все реки и моря.
Душа моя с тобою
До гробовой доски,
Но разлучат нас вскоре
Голландские стрелки».

Милый незамысловатый мотив, исполненный приятным баритоном. Грегори успел дважды повторить припев, прежде чем Леонард Кэрролл произнес:

– Аллоу!

Было слышно по голосу, что он запыхался.

– Леонард, дружище! Надеюсь, я вас ни от чего не оторвал!

– Чем обязан?

– Вот так прием! – шутливо упрекнул Грегори. – Видно, вы по уши в делах, и вам не до меня?

– Я этого не говорил.

Грегори рассмеялся.

– Хорошо бы и не думали... Если серьезно, я звоню пригласить вас в гости на выходные.

– Совершенно исключено!

– Как же вы порывисты, дорогой! Вы, наверное, слишком много работаете – я бы вам посоветовал взять паузу, а не то рискуете надолго выйти из строя. Как говорится, тише едешь – дальше будешь. Притормозите – это в ваших же интересах! Жду в субботу!

– Повторяю – не смогу! – не заботясь о вежливости, рявкнул Кэрролл.

– Какая жалость! – все еще улыбаясь, ответил Грегори. – А я, кстати, напал на весьма интересное чтиво – вам понравилось бы. Автор – некий Тошер. Откровение на откровении... Жаль, что у вас нет времени...

Кэрролл долго молчал, а потом медленно произнес:

– Наверное, стоит выехать из города на пару дней, отдохнуть...

– Отлично, дружище! Приезжайте в субботу, и я дам вам почитать Тошера.

Снова последовала долгая пауза.

– Хорошо.

Раздался щелчок. Леонард Кэрролл повесил трубку.

Оставался еще один звонок. Подошла женщина. Когда мистер Порлок спросил мистера Мастермана, она не слишком вежливо ответила:

– Он занят. Что-нибудь передать?

Грегори Порлок рассмеялся и произнес со светской любезностью:

– Мисс Мастерман, вы ли это? Какой же я глупец! Не узнал! Это Грегори Порлок.

– Ах, да. И что вы хотели, мистер Порлок? – немного мягче сказала мисс Мастерман.

– Я просто звоню сказать, что с нетерпением жду встречи в выходные. Вы ведь приедете к чаю?

– Я не знаю... Нужно спросить брата.

– Хорошо. Я подожду, если вы не возражаете. Передайте ему, пожалуйста, что я придумал, как уладить наше общее дело. Считайте, что проблема решена.

Телефон – чувствительный аппарат. Грегори Порлок находился за много миль от мисс Мастерман, однако ясно услышал, как она затаила дыхание. Он был почти уверен. И сделал вывод – мисс Мастерман посвящена в дела брата. Он, впрочем, так и думал, однако всегда лучше знать наверняка.

Она вскоре вернулась и сообщила, что они с братом придут в Грэндж-хаус к четырем часам, а мистер Порлок как радушный хозяин воскликнул:

– Чудесно! Надеюсь, компания придется вам по душе. Все очень приятные. Один из них – известный актер, сам Леонард Кэрролл, так что скучно не будет. Приедет Мойра Лейн – очаровательная девушка. Семейство Тоутов – простые и милые люди. А также наши ближайшие соседи. Что ж, наилучшие пожелания брату!

Мисс Мастерман ответила:

– Спасибо! – И в голосе действительно звучала признательность.

Грегори Порлок повесил трубку и расхохотался.

Глава 3

Ресторан, куда Джастин Лей пригласил Доринду, только-только входил в моду. Места уже всеми любимые он тут же объявлял вульгарными и начинал искать другие. Красивый и безупречный во всех отношениях молодой человек, Джастин достиг к тридцатилетию изрядной доли самоуверенности. Работал он в министерстве реконструкции. Глядя на него, невозможно было представить, что шесть лет жизни он провел невымытым, небритым и взмокшим от пота, познал и палящее солнце, и жгучий мороз. И мир вокруг него периодически рушился до основания. А Джастин выживал, с каждым разом становясь все грязней и небритей. Все это никак не вязалось с ухоженным брюнетом, одетым с элегантной небрежностью и держащимся так, что Доринда перед ним чувствовала себя школьницей. Однако она старалась не поддаваться комплексам и вести себя с Джастином на равных – иначе он станет совсем несносным, а общение с ним терять все же жаль – дальний или ближний, он был ее единственным родственником.

Голубое платье Доринда купила и надела только из-за цвета – и быстро осознала ошибку. Джастин, как и следовало ожидать, неодобрительно окинул ее взглядом. Если нужно выбрать всего одно вечернее платье, обязательно покупайте черное! Непременно хорошего качества – неважно, чем придется пожертвовать. Ведь вам его носить до конца дней – или ваших, или платья.

Доринда, играя ямочками, смело встретила осуждающий взгляд.

– Знаю, неудачное. Мне уже говорили, что оно не подчеркивает фигуру, а надо, чтобы подчеркивало. Зато цвет приятный, правда?

– Полный провал, дорогая.

Доринду было нелегко смутить.

– А где ты раньше был? Теперь я его уже купила! Розовое было еще хуже – его я не взяла. Говори, что хочешь, а по-моему, мне идет! Тип тоже так считает.

– Тип Ремингтон явно не в состоянии трезво мыслить – он слишком романтически настроен и скажет все что угодно.

– Баззер с ним согласен.

– Неужели? – равнодушно спросил Джастин, продолжая изучать меню.

Затем он поднял глаза, и к столику мгновенно подошел главный официант. Джастин подробно и увлеченно обсудил с ним заказ, после чего снова обернулся к Доринде, которая уже радовалась, что пропустила обед, предвкушая изысканный ужин.

– Ты с кем-нибудь из них помолвлена?

Она оторвалась от приятных мыслей о еде и откровенно сказала:

– Не уверена...

Джастин приподнял брови – неслыханная беспечность!

– Неплохо бы определиться... Это, разумеется, не мое дело, однако за обоих выйти не получится.

– О, я и не собиралась! Я еще долго не выйду замуж.

Принесли суп. Запах был божественным. Доринде удавалось есть не слишком быстро только благодаря строгому воспитанию тетушки Мэри. На смертном одре тетушка Мэри сказала Доринде:

– Пусть я оставляю тебе лишь пятьдесят фунтов в год, зато я научила тебя правилам хорошего тона!

Доринде правила хорошего тона часто мешали. Например, сейчас. Она была очень голодна.

Поглощая суп, она делилась с Джастином взглядами на брак.

– Понимаешь, замужество – это надолго, если, конечно, не рассматривать развод. А развод – это отвратительно, лучше постараться обойтись без него.

Джастин усмехнулся.

– Да, бывают неприятные случаи...

– Допустим, выйду я за Типа, – продолжила Доринда. – Ему двадцать четыре, а мне двадцать один. Значит, жить вместе придется лет пятьдесят-шестьдесят. Это ужасающе долго... Конечно, у него полно денег. Он работает у дяди и через пару лет станет совладельцем компании, и очень здорово иметь квартиру и машину, однако, боюсь, мне надоест быть замужем за Типом.

Доринда сделала паузу и перешла к рыбе соль меньер.

– Я бы на твоём месте за него не выходил, – сказал Джастин.

– Я и не собиралась, – ответила Доринда. – Точнее, очень вряд ли – если только Окли не окажутся «адам крошечным», как сказала рыженькая девушка. Она, кстати, была милая. Я бы не возражала с ней познакомиться поближе.

– Не увливай – ответь по существу! Собираешься ты выходить замуж или нет – это полдела, а что думают твои ухажеры? Ты обещала кому-то из них – или им обоим – свою руку?

Доринда лучезарно улыбнулась.

– Джастин, милый, рыбы вкуснее я еще не пробовала! Как хорошо, что я пропустила обед!

Джастин смотрел на нее сурово.

– Опять отвлекаешься... Забудь про рыбу! Дала ты им надежду или нет?

– А можно мне добавки?

– Можно, но ты еще не знаешь, что у нас дальше.

Доринда внимательно изучила меню и с сожалением вздохнула:

– Пожалуй, обойдусь без добавки... Столько всего вкусного!

– А на вопрос ты ответишь?

Пока официант делал перемену блюд, Доринда смотрела на Джастина, и он успел заметить, что несурзное платье делает цвет ее волос еще ярче. Даже Тип Ремингтон и Баззер Блейк с их неискушенным вкусом нашли бы ее волосы привлекательными. Хотя вряд ли они сумели бы оценить, что ресницы у Доринды точно такого же золотисто-каштанового оттенка. Если она решит краситься, придется с ней поговорить – столь необычный оттенок нужно сохранять как есть, чисто из эстетических соображений.

Когда они отведали курицу ан кассероль с грибным соусом, Джастин повторил вопрос.

– Надо бы ответить: «Тебя это совершенно не касается», – дружелюбно сказала Доринда.

– Вот как?

Доринда рассмеялась.

– Да, но я отвечу иначе. Дело в том, что...

– В чем же?

– К сожалению, я не умею отказывать...

Джастин даже рассмеялся. А рассмешить Джастина было большой удачей. Глаза у Доринды еще больше засверкали и потемнели от радости.

– Я серьезно – отказывать сложно. Они оба мне нравятся. Пожалуй, Баззер больше... вероятно потому, что он тоже беден, и я чувствую в нем родственную душу. С другой стороны, выходить за мужчину совершенно без средств я тоже не хочу – если уж я буду замужем, то хорошо бы завести детей, а растить их без денег крайне затруднительно.

– Пожалуй, верно.

– Еще бы! Я много думала о детях. Я бы хотела двух мальчиков и двух девочек. Даже при бесплатном образовании придется покупать всякие учебники и школьную форму. Однако это

еще полдела! Родители должны выпустить ребенка в мир, обеспечить заработком... Так что за Баззера идти не стоит. А за Типа грустно выходить – получается только из-за денег.

– Послушай, дорогая! Я тебе все равно не разрешу выйти ни за кого из них!

– И как же ты намерен мне помешать? – с искренним интересом осведомилась Доринда.

– Точно не знаю, что-нибудь придумаю, не сомневайся! А тебе советую тренировать характер и твердить «нет» перед зеркалом по пять минут каждый день. Нельзя выходить за всех, кто позовет!

– Никто и не звал, кроме Типа. Баззер сказал, что не женится, пока не найдет нормальную работу, и, если я его дождусь... Считается ли это за предложение?

– Не считается! Ни тот, ни другой! Пообещай мне, пожалуйста, хотя бы одно!

Доринда не была лишена осторожности. Она предусмотрительно спросила:

– Что именно?

– Не обручайся без моего ведома! И вообще – не торопись! Принцип таков: обручайся только если точно уверена, что хочешь выйти замуж, а замуж выходи только если без этого совсем никак. Разве тетюшка Мэри тебя не научила? – В глазах Джастина читалась легкая насмешка.

Доринда ответила с присущей ей откровенностью:

– Тетюшка вообще велела не выходить замуж. Она недолюбливала мужчин. Из-за Подлого дядюшки.

– Я никогда тетю Мэри не встречал, однако, по твоим рассказам, она весьма неприятная особа.

– Совсем нет! – воскликнула Доринда. – Она, например, сделала невероятно доброе дело, взяв меня на воспитание. Кроме нее охотников не нашлось, а она посчитала своим долгом приютить ребенка. Мне было всего два года, и она наверняка со мной намучилась!

Если Джастин и умилился при мысли о двухлетней улыбочивой Доринде, которой и в голову не приходит, что ее приютили из жалости, то виду не показал. Миссис Поршес не стала нравиться ему больше.

Доринда продолжила:

– Подлый дядюшка на самом деле был редкостным пройдохой. Сбежал из дома и кутил направо, потом возвращался, забирал у тети деньги и снова кутить.

– Существует закон, по которому имущество замужней женщины неприкосновенно. Почему она позволяла ему себя грабить?

– Она мне рассказывала про дядю, будучи уже больной. Кажется, она была немного не в себе... Она говорила: «Никогда не выходи замуж, Доринда! Дай мужчине власть, и он разобьет тебе сердце!» Как-то раз призналась: «Он был негодяем до мозга костей». И спросила, помню ли я его. Я ответила, что помню, как называла его «дядя Глен», у него были смеющиеся темные глаза и белый шрам на запястье. Тетя ответила с горечью: «Да, было в нем очарование. Своей улыбкой он мог и душу вытянуть, и последний пенни». Дядя, оказывается, присвоил все ее сбережения, кроме годовой ренты и пятидесяти фунтов в год, отложенных для меня. Тетя велела дяде больше ни пенни не давать.

– Он разве не умер?

– Она не знала, жив он или нет. Под самый конец – совсем уже не в себе – она пыталась взять с меня обещание, что я никогда не выйду замуж. Я, конечно, обещать не стала.

– Отсылай претендентов ко мне.

– А знаешь, Джастин, это неплохая идея! Безумно сложно постоянно говорить «нет» одной, без поддержки. Я давно мечтала иметь строгого родителя или опекуна, чтобы говорил «нет» за меня. Ты действительно готов отшивать женихов?

– Готов! Отошью с удовольствием. У меня отлично получится! Вот увидишь! Будешь мороженое?

Доринда посмотрела с укором.

– Разумеется буду! Джастин, спасибо за прекрасный ужин!

– На здоровье, дорогая. Послушай, я тут навел справки по поводу твоих Окли. Муж хорошо заработал во время войны.

– Да, я же говорила – они богаты. Миссис Окли рассказывала. Она из тех, кто сразу все выкладывает...

Джастин рассмеялся.

– В таком случае, Мартин Окли, должно быть, старается ни во что ее не посвящать. В общем, он вполне стабилен в плане денег, а про нее ничего плохого не известно – пожалуй, нет причин отказываться от работы.

Доринда зарделась от удовольствия. Джастин взял на себя труд разузнать, что за люди Окли, потому что она собирается у них работать. Доринда нашла его жест невероятно милым. О чем сразу же сообщила Джастину.

– Ведь больше никто обо мне не заботится! Только я сама. А было бы чудесно иметь строгого отца или опекуна – или кого-то в этом роде – для подобных случаев. Я бы ощущала тыл, если понимаешь, о чем я...

Джастин мило улыбнулся и возразил:

– Отцом я быть отказываюсь!

Доринда окинула его оценивающим взглядом.

– Да, ты, скорее, тянешь на брата...

– Вот уж нет, Доринда! Братом я тебе точно не буду!

Доринда списала резкий ответ на неудачное платье. Конечно, сестра Джастина никогда не купила бы платье только из-за того, что понравился цвет. Сестра Джастина должна обладать безупречным вкусом и не позорить его перед людьми. Однако в голосе Джастина была непонятная ей теплота.

Она сказала:

– Да, твоя сестра была бы совсем на меня не похожа.

Джастин загадочно улыбнулся.

– Я согласен быть «кем-то в этом роде».

Глава 4

На следующее утро Доринда отправилась в Милл-хаус – на большом «роллс-ройсе» в компании миссис Окли, гувернантки по имени Флоранс Коул, Марти и горничной, которая сидела рядом с шофером. Горничная проработала на миссис Окли около недели, однако уже выглядела измотанной. Рядом с миссис Окли никто, кроме Марти, долго не оставался. Флоранс Коул продержалась в семье Окли дней десять, и, насколько Доринда могла судить, шансы, что она останется на следующий месяц, стремительно таяли. Гувернантке, вероятно, неплохо платили, однако Марти и правда был «кромешным адом». Поскольку мальчик совершенно не походил на светленькую, полупрозрачную мать, Доринда сделала вывод, что он пошел в отца. В таком случае неудивительно, что мистер Окли даже на войне сколотил состояние. Доринда в жизни не встречала более требовательного ребенка. Он желал заполучить все, на что падал глаз. Сначала подпрыгивал на новеньком пружинистом сиденье и громко клянчил. Если не помогало, начинал реветь, будто раненый бык, и тогда миссис Окли раздраженно говорила: «Мисс Коул, ну сделайте что-нибудь!»

Сперва ему приглянулся черный козленок, который пасся на привязи у обочины дороги. Машина быстро пронеслась мимо, однако Марти еще долго возмущался, пока его внимание не привлекла брошь Доринды. Пронзительный, как вой сирены, вопль умолк, Марти на секунду застыл с широко открытым ртом, затем повелительно ткнул в брошь пальцем и спросил вполне нормальным голосом:

– Это что?

– Брошка, – ответила Доринда.

– Почему брошка?

– А почему ты – Марти?

Марти начал подпрыгивать.

– Почему брошка? Хочу посмотреть! Дай!

– Смотри со своего места. Или можешь подойти поближе. Это шотландская брошь. Она досталась мне от прабабушки. Желтые камушки – это кварц. Его добывают в горах Кэрнгормс.

– Как добывают?

– Находят.

– Хочу поехать и найти! Прямо сейчас!

– Сейчас холодно, – не растерялась Доринда. – Глубокий снег. Ты не найдешь камни.

Марти продолжал подпрыгивать.

– Глубокий? Мне по куда?

– Четыре фута и шесть с половиной дюймов. С головой провалишься.

Смуглые щеки Марти слегка покраснели. Он запрыгал энергичнее.

– Не хочу проваливаться!

– Снег растает к лету, – улыбнулась Доринда.

– Хочу сейчас! Хочу брошь! Быстроними! – уже подлетая на пружинистом сидении в воздух, требовал Марти.

– Не могу.

– Почему? Хочу!

Миссис Окли, которая сидела, откинувшись на спинку, приоткрыла глаза и обреченно произнесла:

– Если не отдадите, будет кричать...

– А когда он кричит, вы сразу ему все даете? – поинтересовалась Доринда.

– Конечно. Он же кричит, пока не дашь... У меня сдают нервы.

И миссис Окли снова закрыла глаза.

Марти тем временем уже открывал рот и готовился издать рев. Доринда чуть было не спросила, не пробовал ли кто-нибудь его хорошенько отшлепать, однако сдержалась. Она дрожащей рукой открепила украшение и протянула ребенку. Тот просиял, схватил вещицу, с размаху вонзил иголку в ногу Доринды, а потом с хохотом вышвырнул брошь в чуть приоткрытое окно. Они остановились не сразу, поэтому точное место падения было трудно определить. После не слишком усердных поисков компания двинулась дальше, оставив брошь прабабушки Доринды на обочине дороги.

– Какой Марти меткий! – восхитилась миссис Окли. – Попал прямо в щель! Надо же!

Даже Доринда, добрая душа, не нашла вежливого ответа. Флоранс Коул, очевидно, окончательно умыла руки. Она была бледной и довольно тучной молодой особой, ее с детства приучили всегда дышать через нос – что бы ни случилось. Когда машина останавливалась, было хорошо слышно ее сосредоточенное сопение. Марти продолжал прыгать и вопить – он потребовал кролика, который, мелькнув хвостиком, скрылся в живой изгороди, потом – вывеску таверны с белым оленем на зеленом лугу, потом – кошку, которая мирно спала на подоконнике одного из домов, и наконец – шоколаду. Тут мисс Коул, все еще напряженно сопя, открыла сумочку и извлекла плитку. Марти вымазался с ног до головы и уснул с шоколадом в руке. Воцарилась тишина, и никто не мог поверить своему счастью.

Марти спал до самого прибытия в Милл-хаус. Узкая мрачная дорога, над которой смыкали кроны деревья, петляя, заползала на холм. Дом стоял на вершине в зарослях низкого кустарника, продуваемый всеми ветрами – огромный и откровенно уродливый, с нелепыми орнаментами из красного и желтого кирпича и огромным количеством несуразных башенок и балкончиков. Миссис Окли нервно передернула плечами и объявила, что все идет прекрасно. Тут проснулся Марти и принялся голосить, требуя полдник. Доринда с ужасом подумала, не придется ли ей разделить участь бедняжки мисс Коул и тоже полдничать в детской, и с облегчением узнала, что не придется. Зато сомнений, что мисс Коул не останется до конца месяца, уже не оставалось – единственный вопрос: уедет она вечерним поездом или утренним. И если мисс Коул уедет, Доринда ни за что не возьмет на себя воспитание Марти – даже за тысячу в год! Ну или пусть предоставят ей полную свободу в выборе методов...

Доринде же предстояло полдничать с хозяйкой в «будуаре», поэтому она пребывала в радостном предвкушении, так как о «будуарах» читала лишь в старых романах. Ожидания оправдались с лихвой. Войдя, Доринда увидела розовый с белым ковер, розовые с белым занавески, отороченные темно-розовой каймой, и диван с немыслимым количеством подушек. В целом обстановка говорила о крайней расточительности владелицы.

Миссис Окли возлежала среди подушек в бело-розовом халате, а Доринда, сидя на страшно неудобном золоченом стуле, разливала чай. Когда с полдником было почти покончено, в дверь постучали.

– Войдите! – удивленно сказала миссис Окли.

В комнату зашла Флоранс Коул – в уличном платье. Вид у нее был решительный, и Доринда заранее поняла, что именно Флоранс пришла сообщить. И правда – та громко и твердо объявила:

– Прошу прощения, миссис Окли, но я уезжаю! На ближайшем поезде – в шесть. Ребенку я дала полдник и оставила с горничной. Она сказала, что его няня живет в деревне и якобы с ним справляется... Если это правда, и существует на свете человек, способный сладить с вашим сыном, лучше вызовите ее! Я увольняюсь! Он только что попытался вылить мне на ноги кипяток из чайника.

– Ему не всегда удастся совладать с темпераментом... – пролепетала миссис Окли.

– Ему не помешала бы хорошая порка! – ответила мисс Коул, слегка покраснев, и добавила: – Я промучилась с ним десять дней! Вы ведь заплатите мне, миссис Окли? Полагаю, никто не стал бы спорить, что я заслужила вознаграждение!

– Не знаю, куда я подевала кошелек... – растерянно произнесла миссис Окли. – Мисс Браун, будьте добры... Идите поищите вместе с мисс Коул. Должно быть, остался в сумке, которую я держала в машине.

Кошелек был найден, и мисс Коул, получив положенное вознаграждение, а также сумму на обратный билет, смягчилась.

– Если хотите, миссис Окли, я зайду к няне – миссис Мэйсон, по дороге. Дорис говорит, ее в деревне все знают.

Миссис Окли засомневалась:

– Да, ее найти нетрудно... Вот только она вряд ли согласится. Муж тогда решил, что Марти слишком взрослый для няни. И она была очень расстроена. Вряд ли вернется...

– Дорис говорит – еще как вернется! Говорит, что няня привязана к Марти, – возразила Флоранс Коул, и по ее тону было понятно – лично ей кажется невероятным, что кто-то может к нему привязаться.

– Что ж, тогда загляните к ней... – вновь залепетала миссис Окли. – Только вот муж будет недоволен... И если мисс Браун вдруг согласится...

– Ни за что не соглашусь! – очень твердо заявила Доринда.

Миссис Окли прикрыла глаза.

– Что ж, тогда загляните... Очень любезно с вашей стороны... Вот только муж...

– Прощайте, миссис Окли! – сказала Флоранс Коул и вышла.

Доринда проводила ее до лестницы, и они пожали друг другу руки.

– Надеюсь, вы скоро найдете хорошее место! Вам есть где жить?

– Да! Моя сестра замужем. А вы остаетесь?

– Постараюсь остаться.

– По-моему, отсюда надо уносить ноги! – сказала Флоранс Коул.

Доринда еще вспомнит ее слова.

Глава 5

Где-то полчаса спустя Доринда постучала в дверь детской комнаты.

– Войдите! – ответили изнутри.

Комната короткий период времени именовалась «классной», но теперь вернулась в первоначальный вид и вновь стала «детской». У камина сушилась одежда Марти, сам Марти прибирал игрушки, а рядом статная и строгая пышногрудая женщина (по виду – настоящая няня) штопала носки. Царили мир и покой, однако чувствовалось, что если кто-нибудь посмеет покой нарушить – няня сразу же разберется с нарушителем. Доринда хорошо знала, что такое няня. За ней тоже присматривала довольно строгая особа, пока Подлый дядюшка не разорил тетушку Мэри окончательно.

– Добрый день, няня! – самым уважительным тоном произнесла Доринда и объяснила, что миссис Окли просила узнать, не нужно ли чего.

Нянюшка Мэйсон склонила голову и ответила (тон у нее был мягкий, однако стальные нотки ясно ощущались), что если ей что-нибудь понадобится, она сообщит миссис Окли сама.

Марти остановился возле Доринды с обезглавленной лошадкой в руках.

– Нянюшка говорит – никогда не видела такого разгрома и погрома! – объяснил он.

– Хватит разговоров, Марти! Продолжай уборку! До сих пор не могу опомниться – в каком ужасном состоянии твои игрушки!

Марти засунул подальше туловище лошади и обернулся к няне с радостной улыбкой.

– Я был очень-очень плохим с тех пор, как вы уехали, правда, нянюшка? – спросил он.

– За уборку, Марти!

Марти собрал с пола очередную порцию обломков, а затем покаялся:

– Я даже выкинул ее брошку из машины! – Тут он обернулся к Доринде за подтверждением. – Правда ведь? И еще воткнул ей иголку в ногу, чтобы посмотреть, пойдет ли кровь. Кровь шла, мисс Браун?

– Я не проверяла, – ответила Доринда.

Няня обратила на преступника пронизывающий взгляд.

– Тогда немедленно извинись перед мисс Браун! Это что еще за новости – колоть людей иголками! Так поступают дикари и варвары, а не мои воспитанники! Сейчас же извинись!

Марти тут же бросил обломки игрушек, сделал два шага вперед, торжественно сложил руки и произнес скороговоркой:

– Простите-меня-пожалуйста-я-больше-так-не-буду!

Далее последовала воспитательная беседа, в ходе которой, к пущему негодованию нянюшки, выяснилось, что брошь досталась Доринде от прабабушки. Марти рассказал и про добычу кварца, а закончил следующим:

– Она летела, как пуля – вот как я кинул!

– Хватит об этом! – решительно сказала няня.

– Еще я полил мисс Коул из чайника! – не унимался Марти. – И она надела пальто и уехала!

– Хватит, Марти! Через десять минут игрушки должны быть на местах, иначе сам знаешь, что будет.

Марти усердно принялся за работу.

Доринда повернулась к двери, однако ее внимание привлек один предмет на полу. Перед тем как извиниться, Марти не выронил, а, скорее, швырнул игрушки на пол, и мелкие предметы разлетелись в разные стороны. Среди них была маленькая помятая фотокарточка. У Доринды словно что-то оборвалось внутри. Затем как будто издали донесся строгий голос няни:

– Марти, где ты взял эту фотографию? У мамы?

– Из коробочки... – ответил Марти.

– Из какой еще коробочки?

– Ну коробочки... С самого дна... она там помялась...

Доринда слышала диалог, однако смысл слов от нее ускользал. Она стремительно падала в пропасть... Невероятным усилием воли она заставила себя произнести:

– Давайте, я верну фото на место. – И вышла.

Спальня Доринды располагалась прямо напротив детской. Заперев дверь, Доринда села на кровать и с ужасом смотрела на смятую фотокарточку. Ошибки быть не могло. И название ателье читалось яснее некуда – «Чарльз Рубеккер и сын, Норвуд». У тетушки Мэри в альбоме была точная копия. На Доринду, как ни странно, смотрел не кто иной, как Подлый дядюшка.

Глава 6

Доринда была потрясена до глубины души. Впрочем, у каждого из нас есть родственник, которого мы втайне надеемся никогда больше не увидеть. Так уж повелось с незапамятных времен, и так, вероятно, будет всегда. Вот и Доринда смотрела на фотографию и пыталась убедить себя, что ничего особенного не произошло. У кого нет в роду Подлого дядюшки? Кто не находил случайно его фото среди игрушек отпрыска нового работодателя? Ей казалось – если удастся поверить в обыденность ситуации, тошнота отступит.

Глен Поршес еще в раннем детстве оставил в душе Доринды неизгладимый след. Когда-то – очень-очень давно – она тоже попала под его знаменитое очарование. А потом проснулась как-то ночью и услышала их разговор с тетушкой Мэри; тогда очарование рассеялось и сменилось горечью. Ей было всего лет шесть, однако она помнила до сих пор, как лежала в темноте, а из соседней комнаты доносились голоса. Вероятно, дверь была приоткрыта, потому что слышала она прекрасно. И сцена навсегда врезалась в память – возможно, потому, что Доринда в первый раз в жизни слышала, как плачет взрослый. Тетушка Мэри рыдала, а дядя Глен смеялся, словно она его забавляет. А потом он пропал года на два. Тетушка Мэри больше не плакала, зато стала строгой и сердитой.

Доринда стряхнула воспоминания. Все в прошлом! Тетушки Мэри нет в живых. А жив ли Подлый дядюшка – вопрос. И на этот вопрос ответа у Доринды не было. Последний раз дядя проявился около семи лет назад – внезапно и ненадолго, а затем исчез, а тетушка Мэри стала еще экономнее. Доринда была уверена, что он уже умер, раз больше не приходит, тем более у тети больше ничего не осталось. У тети Мэри в последние годы была лишь ежегодная выплата, которую дядя при всей изворотливости не смог бы прикарманить.

Доринда все смотрела на фотографию. У тети в альбоме была точно такая же... Красивый брюнет с темно-карими смеющимися глазами. Слегка выющиеся волосы – точнее, слегка завитые. Белозубая улыбка, которую все, кто его встречал, единодушно находили обворожительной. Интересно, когда же снимок был сделан? Явно не раньше, чем пятнадцать лет назад – после этого дядя возвращался к тете лишь за очередной порцией денег и уж вряд ли стал бы дарить ей снимки на память. Значит, фото со времен их жизни в Норвуде. До Большого скандала.

Большой скандал и фотоателье «Чарльз Роубеккер и сын» случились гораздо раньше, чем приезд Доринды в Милл-хаус. Она вдруг ужаснулась: а вдруг Мартин Окли и дядюшка – одно лицо? Мысль была слишком пугающая, чтобы надолго на ней задерживаться. Доринда вспомнила, что няня никак не назвала человека на фото. Она не сказала: «Откуда у тебя снимок папы и почему он так измялся?» Тошнота отступила, Доринде почти удалось себя убедить, что худшие опасения вряд ли оправдаются. В альбомах часто лежат ненужные фото. Тетя Мэри, например, иногда не помнила имен людей со старых фотографий. А у миссис Окли дядя Глен даже не попал в альбом. Его фото – ненужный хлам...

Доринда спрятала снимок в широкий накладной карман и спустилась. Казалось бы – чего проще: зайти в будуар, выложить фото перед миссис Окли и сказать: «Завалилось среди игрушек Марти. Няня просила отнести вам». Но нет. Доринда даже не решалась открыть дверь и зайти. Ужасная глупость! Если бы горничная Дорис не проходила мимо, Доринда и вовсе осталась бы в коридоре и, возможно, со временем выросла бы в пол. Однако ей пришлось зайти.

Комната была пустой. Из прилегающей к будуару спальни доносились голоса – миссис Окли одевалась к ужину.

Доринда с облегчением выложила фото на вычурный письменный столик и побежала наверх переодеться в снискавшее осуждение голубое вечернее платье.

Когда она вновь спустилась, миссис Окли сидела не на диване, как раньше, а в самом удобном кресле. Наряд ее был так же розовым, однако немного другого оттенка. Фотография со столика исчезла, и миссис Окли о ней не заговаривала, что Доринду вполне устраивало. Должно быть, многие знакомые Глена Поршеса имеют причины не желать о нем говорить.

Подали роскошный ужин. Что ж, много вкусных трапез – приятная перемена после аскетичного рациона в клубе «Вереск».

Они едва успели покончить с едой, как зазвонил телефон. Доринда вспомнила, что ее основная обязанность – ограждать миссис Окли от звонков, и побежала брать трубку. Аппарат стоял на том самом столике, где она оставила фотокарточку. Доринда подняла трубку.

– Секретарь миссис Окли слушает.

Ответил мужской голос:

– Передайте миссис Окли, что с ней желает поговорить Грегори Порлок.

Доринда прикрыла трубку рукой и передала сообщение миссис Окли.

– Нет, нет и нет! – ответила миссис Окли. – Я говорю только с Мартином или кем-то, кто мне очень хорошо знаком! Пусть скажет все, что нужно, вам, а вы расскажете мне.

Доринда снова приложила трубку к уху.

– Прошу прощения, мистер Порлок. Миссис Окли не разговаривает по телефону. Я просто не знала – я работаю недавно. Можете передать через меня.

Мистер Порлок подавил смех. Уже хорошо – не рассердился.

– Передайте, что я сегодня видел ее мужа, – сказал он. – Я собираю гостей в эти выходные, и муж миссис Окли обещал, что они заедут ко мне в субботу вечером. Поскольку с миссис Окли я не знаком и получил согласие лишь от ее супруга, я решил позвонить ей лично.

Доринда пересказала, на что миссис Окли уныло ответила, что если Мартин пообещал, то, наверное, придется идти. Говорила она тихо, и Доринда порадовалась, что в Грэндж-хаус ее не расслышали. Доринда вежливо поблагодарила за приглашение от лица хозяйки, на что мистер Порлок ответил:

– Чудесно!

В его тоне промелькнуло нечто до боли знакомое. Воспоминание вспыхнуло, а потом ускользнуло.

– Мне бы все-таки переговорить с миссис Окли и узнать, не окажет ли она мне любезность, взяв с собой вас... мисс Браун, верно? Да, кажется, Мартин Окли сказал именно так. Мисс Доринда Браун. Пожалуйста, передайте мою настойчивую просьбу – в нашей компании не хватает дамы, и кроме того, я бы очень хотел с вами познакомиться.

Доринда, нахмурившись, окинула телефонный аппарат подозрительным взглядом. Манера мистера Порлока казалась ей знакомой. Она вкратце изложила приглашение миссис Окли:

– Говорит, не хватает одной женщины в субботу, предлагает взять меня. С мистером Окли он уже договорился.

Миссис Окли промычала нечто невнятное. Доринда выразила согласие в трубку.

– Чудесно! – повторил мистер Порлок и отключился.

Доринда вернулась на свое место под пристальным взглядом миссис Окли.

– А у вас есть вечернее платье, мисс Браун? Достаточно приличное...

Что-то было явно не так со злосчастным голубым платьем, раз миссис Окли ни на минуту не допустила мысли, что оно подойдет.

– О, нет... Этого я и боялась. Мартин звонил, пока я одевалась, велел проследить, чтобы вы были прилично одеты...

Любому было бы неприятно услышать подобное – Доринда не была исключением. Она сухо ответила:

– Я могу не ездить в гости.

Миссис Окли сморщилась, словно вот-вот расплчется.

– Ой, вы обиделись... Мартин скажет, что я бестактная. А я не бестактная, просто думать о чувствах других ужасно утомительно, у меня нервы сдают. Насколько было бы проще, если бы вы не обижались... Тем более, мы не вправе заставлять вас тратить на одежду, которая соответствует... ну, вы понимаете...

Да, Доринда прекрасно понимала. Она в данный момент была не просто Дориндой Браун, а относилась к имуществу семейства Окли и всем своим видом должна была показывать их финансовое благополучие. Они ни за что не появились бы на людях на поломанной машине, с затрапезными лакеями или дурно одетой секретаршей. В Доринде разыгралась шотландская гордость.

А потом она вдруг заметила, что на миссис Окли лица нет от страха – та всем телом подалась вперед и оперлась дрожащей рукой на подлокотник кресла Доринды.

– Мисс Браун, пожалуйста, не обижайтесь! Давайте мы подарим вам платье – вы еще совсем юны, отчего не принять подарок?

Доринда разглядела за розовыми перьями живого человека, причем не очень-то взрослого и достаточно уязвимого. И к ней вернулась обычная доброжелательность. Она сказала:

– Вы очень добры, миссис Окли! С удовольствием приму!

Когда хозяйка удалилась отдыхать, Доринда набрала номер Джастина Лея.

– Слушай, я завтра буду в городе... Да, знаю – ты думал, что на какое-то время от меня избавился. Но нет! Я ненадолго свалюсь на твою голову. Как рецидив тяжкого недуга.

Джастин произнес небрежно и с легкой усмешкой:

– Пожалуй, на тяжкий недуг ты не тянешь. А удастся ли мне уговорить тебя вместе пообедать?

– Да, в час дня! Я еду выбирать платье к субботнему ужину, как раз покажу тебе обновку и сдам обратно, если тебе не понравится.

– Ну уж нет! Не знаю, как принято у Типа и Баззера, но в кругах, где вращаюсь я, не принято примерять платья прямо за едой.

– Ох, Джастин, ты бываешь настоящим чудовищем! – простонала Доринда.

– Напротив! Я благородный рыцарь. Я перенесу начало обеденного перерыва на двенадцать и встречу тебя... куда ты там идешь?

– Миссис Окли посоветовала... ну, она целый список названий дала...

– Ладно. Начнем с самого большого. И встретиться там легче. Жди меня у лотка с перчатками. Я выступлю в роли эксперта моды. Когда ты встаешь?

– О, Джастин! – восторженно воскликнула Доринда. – Ты правда поможешь? Я встаю в половине одиннадцатого. И еще есть пара поручений от миссис Окли. Ну, неважно! Я все успею до нашей встречи. А в офисе мистера Окли мне нужно быть к половине второго – он отвезет меня обратно. Надеюсь, поездка будет не такая безумная, как сегодня.

– А что случилось сегодня?

Доринда начала рассказывать про Марти и брошку. Она хотела его позабавить своей историей, однако Джастину было совершенно не смешно. Он возмущенно воскликнул:

– Прабабушкина брошь!

– Да, – вздохнула Доринда. – Причем моя единственная. Теперь придется купить в качестве застежки золотую булавку. Я видела одну за семь фунтов и шесть пенсов.

– Вряд ли она золотая...

– Ох, какой ценитель, – хихикнула Доринда. – Разумеется, не золотая, а позолоченная.

Джастин вдруг рассердился. Доринда никогда раньше не была свидетельницей его гнева и изрядно удивилась. На другом конце провода что-то грохнуло – вероятно сломалось. Словно хлопнула дверь – хотя он не мог хлопнуть дверью с трубкой в руках.

– Совершенно недопустимо! – гневно произнес Джастин.

А Доринда пошла спать в самом приподнятом расположении духа.

Глава 7

Мисс Мод Сильвер присматривала шерсть для детских кофточек. Она с огромным удовольствием перебирала мягкие нежно-розовые клубки, восхищаясь тем, как безупречно они смотаны (сама она так не смотала бы). Глаз радовался после бесконечных изделий цвета хаки, которые она вязала для летчиков во время войны, и скучных серых носков, которыми она снабжала трех сыновей племянницы Этель. Старший брат Этель долгое время жил за границей, а несколько месяцев назад вернулся, и его жена, Дороти, ждала первенца. Вся семья находилась в радостном предвкушении – пара была жената уже десять лет, и вид пустой детской давно нагонял на Дороти тоску. Мисс Сильвер хотела приготовить особенный подарок для такого исключительного случая. Она выбрала шерсть очаровательного нежно-розового оттенка, мягкую и легкую. Затем оплатила покупку и стояла в ожидании свертка с шерстью и сдачи.

Клубки чудных оттенков громоздились на большом трехъярусном стенде между четырьмя отделами. Прямо напротив мисс Сильвер располагался отдел с чулками, перчатками и носовыми платками. За спиной виднелись длинные Ряды дешевых платьев. Справа – за стендом с зонтами – продавали свитера и прочие вязаные изделия. Слева стояла палатка с бусами, браслетами и стеклянными букетиками, а за ней находился отдел дамских шляпок. Мисс Сильвер сочла, что все выглядит необычайно ярко и красиво. Особенно приятно, что магазины снова наполнились людьми – после нескольких бедных лет, когда даже самые заманчивые витрины не могли завлечь покупателей.

Не одна мисс Сильвер любовалась товарами. У палатки с бусами и браслетами стояла девушка – склонилась над прилавком с брошками из стекла и яркой эмали в форме букетиков фиалок, ромашек, остролиста и мимозы. У девушки были золотисто-каштановые волосы – и ресницы точно такого же цвета. Свободное твидовое пальто медового оттенка было весьма поношенное, но сидело хорошо и шло обладательнице. В чем та, очевидно, не сомневалась. Мисс Сильвер подумала, что веточка мимозы украсит лацкан как нельзя лучше. Девушка долго присматривалась к брошкам, затем со вздохом сожаления отошла.

Как раз в это время группа покупателей направилась из чулочного отдела в шляпный. Они проходили мимо стенда с украшениями и окружили девушку в твидовом пальто. Мисс Сильвер наблюдала с нарастающим интересом. Девушка выбралась из людского потока и направилась к носовым платкам. Вдруг от группы прохожих отделилась невысокая темноволосяя женщина, обошла платочный прилавок с другой стороны и обратилась к продавщице. Что-то торопливо сообщила, а затем слилась с толпой и исчезла из виду.

Мисс Сильвер отвернулась, чтобы забрать сдачу и сверток, затем тоже поспешила к платочному стенду. Однако опоздала. Крайне удивленная Доринда Браун уже шла по коридору в сопровождении весьма настойчивого охранника. Они свернули налево, затем направо, снова налево, и удивление Доринды сменилось тревогой. Она не понимала, что происходит, и ей становилось все больше не по себе. Зачем ее ведут в кабинет управляющего? Ей управляющий не нужен, и зачем она ему понадобилась – тоже совершенно не ясно.

Они подошли к отполированной до зеркального блеска двери и оказались в шикарном кабинете, где за письменным столом восседал крупный заметно лысеющий мужчина, который строго взирал на Доринду сквозь очки в роговой оправе.

– Воровка, сэр! – тем временем объявил охранник за спиной.

От возмущения Доринда вспыхнула до корней волос. Она отличалась добрейшим нравом, однако быть обвиненным в воровстве охранником... Тут любой взорвется! Доринда вне себя от гнева топнула ногой и воскликнула:

– Как вы смеете!

Что не произвело ни малейшего впечатления на управляющего.

– Отдадите сами или придется вас обыскать? – самым оскорбительным, по мнению Доринды, тоном произнес он.

– Наверное, в карманах! – снова раздался над ухом голос охранника.

Тут в комнату без стука вошла мисс Сильвер – маленькая и старомодная, похожая на гувернантку начала века. На ней было практичное черное пальто, купленное всего пару лет назад, и желтый меховой воротник невнятного происхождения. Шляпка, хоть и приобретенная только осенью, изначально выглядела как вещь десятилетней давности, и обещала в скором времени расползтись по швам. Она была пошита из черного фетра, впереди красовалась маленькая сиреневая морская звезда, а сзади – переплетение из тонкой сиреневой ленты. Жидкие волосы мисс Сильвер были аккуратно завиты в стиле ранней эдвардианской эпохи. Под сеточкой вуали виднелась челка в духе королевы Александры. На почтенном лице поблескивали маленькие серовато-ореховые глазки, которые, как однажды выразился сержант Эббот из Скотленд-Ярда, всегда видели даже невидимое.

Управляющий обратил на вошедшую устрашающий взгляд сквозь очки в роговой оправе.

Мисс Сильвер совершенно не устрашилась. Она подошла к столу и, вежливо кашлянув, произнесла:

– Доброе утро!

– Мадам, вы находитесь в моем кабинете!

Мисс Сильвер склонила голову на бок с таким достоинством, что в душе у управляющего зашевелились нехорошие предчувствия. Старомодность наряда еще не говорит о бедности и низком статусе. Иногда очень обеспеченные и известные люди придерживаются подобного стиля. Есть, например, одна вдовствующая герцогиня – большая чудачка...

Мисс Сильвер тем временем произнесла:

– Позвольте мне сказать?

Управляющий оставил попытки поставить гостью на место и вежливо осведомился о цели визита.

Мисс Сильвер снова кашлянула – с еще большим достоинством. Дополнительных подсказок не понадобилось – управляющий принес свои извинения. Мисс Сильвер их приняла. Когда она служила гувернанткой (к счастью, те времена остались в прошлом), она умела держать в узде своих учеников, не проявляя при том жесткости. Навык остался. Она уверенно сказала:

– Меня зовут Мод Сильвер. Я покупала розовую шерсть и стала свидетельницей происшествия, вследствие которого эту даму препроводили в ваш офис.

– Неужели?

Доринда обратила возмущенный взгляд на сухонькую женщину в черном. Лицо Доринды пылало. Она звонко сказала:

– Ничего вы не видели, потому что нечего было видеть!

Мисс Сильвер твердо встретила жгучий взгляд.

– Если вы засунете руку в карман, то, вероятно, поменяете свое мнение.

Без долгих раздумий Доринда засунула руки в карманы твидового пальто. Карманы, глубокие и вместительные, должны были быть пусты. Однако пусты они не были... Удар оказался столь же сильным, сколь неожиданным. Доринда почувствовала, будто пропустила ступеньку и падает в крошечную темноту. Глаза у нее расширились, щеки порозовели. Она вытащила чулки попеременно с платками и лентами.

Что-то сказал охранник, однако Доринда едва слышала. Она стояла и смотрела на шелковые чулки, платки и свисающие ленты, и сердитый румянец постепенно сходил с ее лица. Потом она шагнула к столу, выложила вещи и снова проверила карманы. Обнаружилась еще одна пара чулок и веточка мимозы, которой Доринда мечтала украсить лацкан своего пальто. Она добавила брошь к остальному и твердо сказала:

– Я не знаю, как эти вещи попали ко мне в карман!

Управляющий окинул Доринду взглядом, от которого ее шотландская кровь вновь вскипела.

– Не знаете? Ну-ну. А я догадываюсь. Вы обвиняетесь в краже! А эта дама выступит в качестве свидетеля! Вы ведь оставите свой адрес, мадам? Расскажите нам, пожалуйста, что вы видели!

Мисс Сильвер приосанилась.

– Я, собственно, за этим и пришла. Оплатив покупку, я ждала, когда мне отдадут сдачу и сверток с шерстью, и тут увидела юную даму у стенда со стеклянными цветами и горжетками, что расположен поблизости от шляпного отдела. Дама любовалась веточкой мимозы, и я отметила, что мимоза, без сомнения, замечательно смотрелась бы на ее пальто. И когда дама уже отходила от прилавка, из чулочного отдела вышла группа людей. Заявляю со всей ответственностью, что она отошла от прилавка не меньше чем на ярд, и направлялась в противоположном направлении, а ветка мимозы оставалась на месте. От компании, вышедшей из чулочного магазина, отделились две девушки. Они окружили даму с двух сторон. В тот момент в холле между отделами было достаточно многолюдно. Иногда я видела девушек хорошо, а иногда обзор загораживали. Однако я готова поклясться: дама к прилавку не возвращалась и ветку мимозы не брала. Поскольку дама меня заинтересовала, я ни на минуту не упустила ее – всегда видела хотя бы макушку. С ее места она не дотянулась бы до мимозовой броши, а назад она не возвращалась. Это первое. А есть еще второе. Даже когда людей было много, между ними образовывались просветы. И я увидела, как одна из девушек, которых я упоминала ранее, вытаскивала руку из кармана этой дамы. Тут мне вручили шерсть и сдачу. А потом девушки что-то сказали продавщице за стойкой и поспешно удалились. Затем между нами образовалось приличное количество народу. Когда я подошла к месту событий, девушки уже исчезли, а продавщица о чем-то оживленно рассказывала охраннику. Веточки мимозы на месте не было. Затем охранник догнал даму почти у платочного отдела. Я подумала, что мои показания понадобятся, и пошла следом.

Управляющий откинулся на стуле и скептически заметил:

– Вы якобы видели, как некая девушка сунула руку в чужой карман?

Мисс Сильвер выразительно кашлянула и поправила:

– Я была свидетелем того факта, что девушка вытаскивала руку из кармана здесь присутствующей дамы. И я готова поклясться в увиденном.

Управляющий приподнял брови.

– Удачное совпадение! Удобно иметь сообщника, который скажет, что ты ничего не делал!

Мисс Сильвер одарила его взглядом, перед которым пасовали даже самые отъявленные хулиганы. С помощью этого взгляда был низвержен в пучину отчаяния не один нарушитель порядка. Под его воздействием даже сам главный инспектор Лэмб и то смущался и невольно начинал извиняться. Обычная самоуверенность покинула управляющего, он почувствовал себя уязвимым и потерянным. Его самоуважение держалось лишь на социальном статусе и правилах субординации; без их защиты он совершенно поник.

– Что, простите? – переспросила мисс Мод Сильвер.

Управляющий уже всю извинялся. Он понял, что мисс Сильвер не герцогиня с причудами и вовсе не принадлежит к аристократическим кругам. Однако властность, скрывающаяся за тихим голосом, потрясла его до основания. Когда мисс Мод вновь обратилась к нему, он мгновенно замолк на середине не слишком связного предложения. Управляющего охватило непривычное чувство собственной ничтожности в этом большом мире.

Мисс Мод умело воспользовалась достигнутым эффектом.

– Надеюсь, я смогу доказать вам свою благонадежность. Вот моя визитка.

Она извлекала из невзрачной черной сумочки, которая висела у нее на запястье, и выложила на стол прямоугольную карточку. Посередине было имя – мисс Мод Сильвер, в левом нижнем углу адрес – Монтегю Мэншнс, 15, а в правом нижнем углу значилось – «частный детектив».

Пока управляющий переваривал информацию, она продолжила:

– Будьте любезны, наберите-ка Скотленд-Ярд, и главный инспектор Лэмб подтвердит, что хорошо меня знает и мне можно доверять. А также детектив Эббот (или любой другой сотрудник отдела расследований) скажет, что в полиции я уважаемый человек. Но если вы готовы признать ошибку и принести этой даме самые искренние извинения, то звонить в Скотленд-Ярд, пожалуй, необязательно...

Управляющий проглотил наживку и с яростью обернулся к охраннику. Кстати для его ущемленного самолюбия, под рукой оказался подчиненный, на котором можно было отыграться.

– Мистер Супли!

– Да, сэр.

– На каком основании вы действовали? Говорят, к вам подошла продавщица. Какая именно, и что конкретно она сказала?

Мистер Супли понял – быть ему козлом отпущения. Человек немолодой и прошедший войну, он и раньше сомневался в прочности своего положения на рабочем месте.

– Мисс Андерсон... сказала, что какая-то девушка, сообщила ей, что... – Он запнулся и сглотнул. – ...что эта вот дама ворует вещи...

– А почему девушка сама не пришла как свидетель?

– Она опаздывала на поезд... – слабым голосом произнес охранник.

Лысина управляющего покраснела от гнева.

– Мисс Андерсон следовало бы ее задержать!

Мистер Супли почувствовал, что есть шанс отвести от себя карающую длань, и с готовностью согласился, что мисс Андерсон была в корне не права (хотя ни он, ни управляющий не представляли, как продавщица задержала бы решительно настроенную покупательницу, опаздывающую на поезд).

Для большего эффекта мистер Супли возмущенно добавил:

– Следовало, сэр! Я то же самое заявил ей со всей строгостью!

Тут вмешалась мисс Сильвер:

– Совершенно ясно, что именно девушка, которая вынесла обвинение и скрылась, подложила украденные вещи в карман. А сейчас я настоятельно прошу вас позвонить в Скотленд-Ярд. И я не успокоюсь, пока юной даме не принесут искренние и безоговорочные извинения.

В кабинете Скотленд-Ярда главный инспектор Лэмб поднял трубку. Голос сержанта Эббота произнес:

– Вот так штука, шеф! Тут на линии управляющий торгового центра «Делюкс». Желает знать, надежный ли свидетель Мод! Спрашивает вас. Наглый тип... Вы его быстро утихомирите!

Лэмб хмыкнул.

– Что еще за история?

– Кража. Мод говорит – задержали девушку. Какая-то женщина подложила украденное этой девушке в карман, потом пожаловалась продавщице и убежала якобы на поезд. Соединить вас?

Лэмб еще раз хмыкнул, на этот раз в знак согласия. В трубке щелкнуло, и до него донесся голос, который он с первой секунды посчитал противным. Инспектор, с его опытом и проницательностью, прекрасно разобрался в людях и сразу определил человека, который совершил

промах и пытается выпутаться без последствий. Он прервал словесный поток собеседника и представился, медленно и отчетливо выговаривая каждый слог, как и подобает человеку на его должности:

– Главный инспектор Лэмб слушает.

Управляющему пришлось начать речь заново, и это ему сильно не понравилось. Он уже жалел, что не извинился перед Дориндой Браун сразу – не пришлось бы звонить в Скотленд-Ярд.

Главный инспектор почти тут же снова его перебил:

– Дела вашего магазина меня не касаются. Если вы намерены заявлять о краже, обратитесь в местное отделение. А что касается мисс Мод Сильвер, я вам отвечу. Я хорошо с ней знаком и уверяю вас – она надежный свидетель. Она не раз помогала полиции, и лично я советовал бы вам прислушаться к ее мнению. Если она считает, что девушка невиновна, значит, так и есть – мисс Мод зря не скажет. Передайте ей трубку, чтобы я убедился, что это именно она.

Мисс Мод, кашлянув, взяла трубку у управляющего.

– Главный инспектор Лэмб! Рада слышать! Как ваши дела? Как поживает миссис Лэмб?.. А дочки?

Завершив обмен любезностями, инспектор позволил себе усмехнуться:

– Опять впутались в историю, мисс Мод?

– Что вы говорите, инспектор!

Инспектор рассмеялся.

– Пришлось даже нам позвонить! Знаете, полиция польщена вашим доверием!

– На вас можно положиться – я твердо уверена, – серьезно ответила мисс Мод. Она отдала трубку обратно управляющему, чья лысина приобрела свекольный оттенок, и отступила.

Поняв, кто у аппарата, инспектор сменил тон и резко заявил:

– Это действительно мисс Сильвер. Ее ни с кем не спутаешь.

Глава 8

Джастин Лей не узнавал Доринду. Вроде бы здорова и чрезвычайно рада его видеть. В костюме, который он сам ей когда-то посоветовал. И все же что-то было не так. Покупая женские штучки за чужой счет, она была рассеянна и вовсе не излучала радость, как ожидал Джастин.

Оказалось, по мнению миссис Окли, приличное вечернее платье стоило весьма внушительной суммы. Доринда должна бы прыгать от восторга – ей и не снилась подобная роскошь, однако она оставалась безучастной. Она вообще не проявляла интереса к происходящему... но тут продавщица извлекла из дальних закровов и благоговейно выложила на прилавок *то самое платье*.

– Ах! – воскликнула Доринда, и щеки ее порозовели.

Джастин предложил примерить, и она немедленно удалилась.

Когда она вышла, сомнений не осталось. В платье чувствовалось нечто волшебное, не поддающееся описанию. Оно облегало и струилось одновременно. При этом было простым до неприличия. Обыкновенный черный цвет вдруг придал волосам роскошнейший золотой оттенок. И глаза засияли, и цвет лица посвежел.

– Пойдет, – неловко буркнул Джастин. – Переодевайся, а то пообедать не успеем.

Они заплатили огромную сумму и забрали аккуратно упакованное платье.

Джастин выбрал новый ресторан. Их столик располагался в небольшой нише, в приятном уединенном уголке. Джастин сразу же в упор посмотрел на Доринду и спросил:

– Что стряслось?

И очень обеспокоился, когда она побледнела и сказала дрогнувшим голосом:

– Меня чуть не арестовали за воровство...

Услышав подробности, он забеспокоился еще сильнее.

– И арестовали бы, если бы не мисс Сильвер! Ужасное чувство – будто идешь себе по дороге, и вдруг земля уходит из-под ног. Знаешь, так бывает во сне... У меня, по крайней мере. Но наяву еще не было – до сегодняшнего дня.

Дождавшись, когда уйдет официант, Джастин потребовал повторить рассказ.

– Ты никого из этих людей не видела раньше?

– Нет. Мисс Сильвер тоже про это спрашивала. Когда мне принесли извинения, мы пошли выпить кофе. Она просто чудо, всех знает в Скотленд-Ярде – еще бы ее не послушались!

Джастин потербил ухо.

– Мод Сильвер, знакомое имя... Ну конечно! Она же «глубокоуважаемая наставница» Фрэнка Эббота!

– Глубокоуважаемая наставница? Фрэнк Эббот так ее и называет?

– Ну или Моды – палочка-выручалочка, по прозвищу. Мисс Мод Сильвер он уважает больше всех на свете.

– Она размазала по стенке мерзкого управляющего! – заметно оживилась Доринда. – Но знаешь, Джастин... она спросила, есть ли кто-то, кому я мешаю и кто хочет меня убрать с дороги... Я, разумеется, сказала – нет. Потому что... ведь эта история не может быть связана с Подлым дядюшкой, правда?

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаешь, среди игрушек Марти валялась его измятая фотография.

– Доринда, ты уверена?

Она кивнула.

– Да. У тетушки Мэри в альбоме была такая же – с подписью «Чарльз Роубеккер и сын, Норвуд». Я молча положила ее на письменный столик миссис Окли... и она ничего не сказала. Джастин, ведь этого не может быть!

Джастин, как обычно красивый, рассеянно смотрел вдаль. Доринда испугалась, что утомила его, и поспешно добавила:

– Давай сменим тему!

Рассеянность на лице сменилась хмурой гримасой, что, впрочем, не убавило красоты, и Джастин сердито фыркнул.

– У тебя был скучающий вид.

– Я пытаюсь думать. Слушай, Доринда, а зачем ты вообще пошла в магазин?

– Миссис Окли поручила.

– Ни за что не поверю, что жена Мартина Окли делает покупки в торговом центре «Делюкс»! Еще скажи – посещает отделы «Мода для всех» и «Ярче, лучше, буржуазней»!

Доринда хихикнула.

– Ну нет, сама не посещает! Просто ей сказали, что там продается светоотражающая краска, вот она меня и отправила. К Марти вернулась прежняя няня, и она очень недовольна – он отковырял краску с часов в детской, она теперь не различает время в темноте. Я должна была найти и купить.

– Кто об этом знал?

– Ну... миссис Окли, няня... еще Дорис – горничная... да наверное, весь дом – Марти без конца твердил, каким он был нехорошим, что стер краску, и как я куплю новую-блестящую. А няня ему отвечала, что краску не так просто достать, однако она слышала, что ее продают в «Делюксе». Уж не знаю, кто ей сказал.

Джастин нахмурился еще больше.

– Кто-то знал, что ты идешь в «Делюкс», и подставил тебя! Ты уверена, что в толпе не было знакомых лиц?

Доринда покачала головой.

– Точно. Не было.

– Может быть, мошенница, пыталась избавиться от награбленного? Нет, не похоже! Зачем тогда подошла к продавщице и тем самым навела на себя подозрение? Темная история... Лучше тебе уволиться! Позвони миссис Окли и скажи, что возникли семейные обстоятельства, что твоя тетушка Джемима умирает, и тебе надо срочно уехать.

– Не могу, Джастин! Она знает, что нет никакой тетушки. А даже если бы не знала. Я купила платье за тридцать фунтов на ее деньги – придется отрабатывать.

Доринда еще не видела Джастина таким сердитым.

– Верни это чертово платье!

– Деньги все равно не отдадут, – убежденно сказала Доринда. – В крайнем случае оставят сумму за миссис Окли – а ей зачем? – она сама мне говорила, что у них не одевается. Она сказала – там симпатичные недорогие платьица для молоденьких девушек. Ей явно нужны вещи гораздо дороже... Уволиться никак не могу.

Джастин склонился к Доринде через стол.

– Доринда, я дам тебе тридцать фунтов!

От благодарности глаза Доринды заблестели, как вода в тихом прудике под солнечными лучами.

– Как благородно с твоей стороны! Я, разумеется, не возьму.

– Ты просто обязана!

– Милый Джастин, я не могу! Дух тетушки Мэри тогда мне покоя не даст. У нее было несколько строгих правил: не разговаривай с мужчиной, которому не представлена, не позво-

ляй оплачивать долги и не бери у мужчин займы. Понимаешь, истинами, которые тебе внушают с раннего детства, невозможно пренебречь – при всем желании.

– На родственников правила не распространяются, – возразил Джастин.

Доринда покачала головой.

– На мужчин-родственников – очень даже. По поводу кузенов у тети было особое мнение. Они вообще опасны – так она считала.

Джастин невольно расхохотался и немного успокоился. Хотя почему встревожился, он и сам не понимал. Первобытный инстинкт побуждал его к решительным действиям. Так и огрел бы Доринду чем-нибудь тяжелым по голове и утащил подальше от опасностей в пещеру!

Смех слегка разрядил атмосферу, однако Доринда упрямо стояла на своем. Она не собиралась увольняться и расставаться с платьем за тридцать фунтов. Кроме того, тот факт, что Джастин вдруг проявляет живой интерес к ее особе и даже сердится, очень ее веселил. Мужчине не станет сердиться, если женщина ему не нравится. Эта премудрость пришла уже не от тетушки Мэри, а от Джудит Крейн. Той самой девушки из клуба «Вереск», которая раздражала соседок, принимая по нескольку ванн в день и без конца бегая на свидания. Доринда многому научилась у Джудит. Что касается тетушки Мэри, та имела перед глазами пример Подлого дядюшки и сложила о мужчинах самое неблагоприятное мнение, которым тоже поделилась с племянницей: мужчины существуют, тут никуда не денешься, просто держись от них подальше, и все будет хорошо.

В результате Доринда продолжала отказываться от тридцати фунтов, сияя благодарной улыбкой. И с удовольствием поглощала обед, то и дело возвращаясь рассказами к мисс Мод Сильвер.

– Она дала мне визитку и велела сразу же позвонить, если что-нибудь случится. Я предупредила, что мне нечем заплатить за услуги, а она сказала звонить все равно. Она просто душка, Джастин! Похлопала меня по руке и сказала: «Дорогая, когда-то я тоже была молода и прислуживала в чужих домах. Однако жизнь щедро меня одарила, и поэтому я люблю помогать другим».

В конце концов Джастину пришлось отступить. К тому же он не хотел ссориться, потому что еще не отдал Доринде подарок. Хотя сама Доринда ссориться не собиралась. Она сияла, называла его «милый Джастин» и отвергала деньги. Джастин чувствовал себя идиотом. Он планировал преподнести сюрприз с видом доброго покровительственного кузена, однако весь настрой почему-то пропал.

Когда Доринда в сотый раз упомянула, что ей нужно еще заскочить за позолоченной булавкой перед тем, как ехать к мистеру Окли, Джастин вытащил из кармана конверт.

– Получше булавки... надеюсь, тебе понравится. Это принадлежало моей матери.

– О, Джастин! – порозовев, воскликнула Доринда.

В конверте оказался потертый футляр из коричневой кожи, а в футляре некогда белой, а теперь пожелтевшей, как клавиша старого пианино, подушечке блестела брошь. При виде подарка Доринда лишилась дара речи. Два пересекающихся кольца из маленьких бриллиантов сверкали, отражая свет.

Девушка подняла на Джастина полные слез глаза.

– Нравится?

– О, даже слишком! – вздохнула она.

– Надень!

Рука с брошью замерла на полпути.

– Джастин, не нужно! Я не возьму... ведь она принадлежала твоей маме, и когда ты женишься... – Тут Доринда замолчала, потому что представлять, как Джастин женится, было неприятно.

Повисла непонятная пауза. Джастин мрачно взглянул на Доринду и спросил:

– И на ком, по-твоему, я должен жениться?

Ответ был очевиден, хоть и резал без ножа. В последние месяцы предполагаемая невеста обрела конкретную форму. Доринда сама видела фотографию в разделе городских сплетен. И подпись – «Мистер Джастин Лей и мисс Мойра Лейн». Она вырезала фото и сохранила, а однажды, набравшись храбрости, спросила Джастина:

– Кто такая Мойра Лейн?

На что тот небрежно буркнул:

– Одна знакомая.

Затем Доринда пару раз встречала их вдвоем – когда ходила обедать с Типом и когда была в театре с Баззером. Мойра Лейн всегда выглядела крайне в себе уверенной. И конечно, очень и очень эффектной. Хотя внешность вряд ли была для Джастина решающим фактором. Но вот уверенность – словно Мойра всегда и во всем права и твердо это знает – поразила Доринду до глубины души.

Девушка вернула брошку в футляр и стала чертить круги на скатерти.

– Ну, она будет высокая и, конечно, очень-очень стройная, но не худая – ты ведь не любишь худых, верно? Вероятно, светловолосая, хотя это неважно – главное, красиво причесанная. И очень-очень умная; и с правильной одеждой из правильных магазинов; и она будет точно знать, что можно, и что нельзя; и как краситься; и когда вещь вышла из моды и больше ни за что нельзя ее носить. Понимаешь, это все крайне сложно – если только не заложено с детства, и то не каждому дается! А твоя невеста должна очень хорошо владеть этим искусством!

– Неужели?

– Конечно, Джастин! Ты же ничего не упускаешь и не выносишь даже мелких огрехов. Ты стремишься к совершенству, и жена твоя не должна допускать ошибок – никогда-никогда.

Она подвинула кожаный футляр через стол, не спуская глаз с лица Джастина. Он взял футляр и снова положил перед Дориндой.

– Моя невеста, возможно, сочтет мамину брошь старомодной. Лучше подарю тебе. При-мерь-ка!

– О, Джастин!

– Не глупи, Доринда! Я бы не дарил, если бы не хотел. Нет, немного выше... Да, хорошо. Тут он посмотрел на наручные часы и резко поднялся.

– Побегу! Веди себя хорошо. Держи меня в курсе.

Глава 9

Миссис Окли все утро жалела, что отправила Доринду в город. Любой из трех намеченных ею магазинов с радостью прислал бы несколько платьев на выбор, стоило жене Мартина Окли намекнуть. В «Делюкс» можно было позвонить. Других неотложных дел в городе не было. А теперь придется целый день сидеть одной. Мартин вернется часам к четырем, если не позже, так как Доринда придет к нему в половине третьего, значит, отправятся они около трех – если не задержатся... Когда ему нужно уходить, на работе вечно возникают проблемы.

К работе мужа миссис Окли испытывала смешанные чувства. С одной стороны, ненавидела, потому что работа отнимала у нее Мартина, с другой – если бы он на нее не ходил, у них не было бы денег, а отсутствие денег она тоже ненавидела. Было время в ее жизни, когда денег было мало, а потом они и вовсе кончились. Приходилось ютиться в одной комнате и жить впроголодь. Миссис Окли тогда сама убирала, отчего руки пачкались, а чище кругом не становилось. Вынуждена была даже готовить, однако выходило нечто невыносимое. Она долгие годы запрещала себе возвращаться мыслями в те времена, с переменным, впрочем, успехом. Ужасные воспоминания иногда врываются в ее голову, словно толпа грязных оборванцев в чистый уютный дом. Вламывались без спроса, повсюду совали нос, хозяйничали. Не давали заснуть по ночам, а когда она наконец засыпала, преследовали во снах.

Не надо было отпускать Доринду! Вместе нашли бы чем заняться. У нее столько выкроек для занавесок и покрывал в гостиной! Вытащили бы и не спеша просмотрели – это заняло бы почти все утро. После обеда Доринда ей почитала бы, а с полдника уже и Мартина можно ждать... А теперь день обещал быть скучным и невыносимо долгим, и не с кем даже словом перекинуться. Няня не слишком рада была видеть хозяйку в детской. Встречала вежливо, однако миссис Окли каждый раз чувствовала себя лишней. Ей казалось, что и няня, и Марти вздыхают с облегчением, когда она уходит, и радостно возвращаются к прерванному ее приходом занятию... Будь новая горничная пообщительнее, еще можно было бы протянуть. Миссис Окли с удовольствием обсудила бы с Хуппер свои многочисленные наряды. Только вот Хуппер разговаривать не желала. Она выполняла свои прямые обязанности (кстати, неплохо), но не более того. От нее только и слышно «да, мэм» и «нет, мэм», ну или короткое предложение, если это необходимо.

Перед обедом зазвонил телефон. Поскольку Доринды не было, подойти пришлось Хуппер.

– Это мистер Порлок, мадам, – сказала она.

– Спросите, зачем он звонит, Хуппер. Он знает, что я не подхожу к телефону.

Последовала пауза, затем Хуппер снова обратила к хозяйке невозмутимое лицо.

– Он хочет заехать, мадам – у него важное сообщение для мистера Окли. Говорит – в два часа.

– Я в это время отдыхаю... – заволновалась миссис Окли. – Я плохо спала прошлой ночью... Скажите ему... скажите, что... мистер Окли вернется к половине пятого.

Однако Хуппер уже клала трубку на рычаг.

– Мистер Порлок отключился, мадам.

Ровно в два часа дня Грегори Порлок звонил у входной двери Милл-хаус. Звонок, несмотря на очевидную дороговизну, ни практической, ни эстетической ценности не представлял. Шаги дворецкого, который открыл Порлоку дверь, и то были громче.

Миссис Окли была готова принять гостя наверху, в собственной комнате. Порлок поднялся вслед за дворецким по широкой лестнице на второй этаж. На верхнем пролете стоял сервант с инкрустацией, в котором виднелся на редкость уродливый сервиз, а далее шел длинный коридор, в конце которого дворецкий распахнул перед гостем дверь, объявив:

– Мистер Грегори Порлок!

Миссис Окли подняла глаза от книги, которую для вида держала в руках, и увидела крупного мужчину в коричневом твидовом костюме. Лицо он прикрывал носовым платком в желто-зеленую клетку. Затем дверь за дворецким закрылась. Мужчина опустил руку, и она увидела Глена. Миссис Окли раскрыла рот, однако крикнуть не получилось – от ужаса перехватило дыхание. Лишь смотрела на него вытаращенными глазами, и побелевшие раскрытые губы застыли в форме аккуратного овала.

Грегори Порлок спрятал платок, радуясь своему везению. А если бы она успела закричать, пока дворецкий поблизости? Он, конечно, рисковал. Но что делать? К телефону она не подошла бы, а бумаге никогда и ничего нельзя доверять – это правило Порлок соблюдал непременно.

Он зашел, уселся на другой конец дивана, протянул руку и легким тоном произнес:

– Ну, Линнет, я так и думал, что это ты. Однако надо было убедиться. А то приехали бы вы с Мартином в субботу к ужину, а там я. Представляешь, какая вышла бы сцена – да еще при всех!

Она продолжала смотреть на него в немом ужасе, и Грегори взял ее за руку.

– Успокойся, дорогая! Я тебя не съем.

Непонятно, что именно подействовало – то ли крепкое пожатие его теплых ладоней, то ли лукавые огоньки в глазах, то ли нахлынувшие воспоминания. Глаза миссис Окли наполнились слезами. Она прерывисто вздохнула и воскликнула:

– О, Глен! Я думала, ты умер!

– Разве я похож на покойника? На ощупь еще теплый!

Он уже сжимал обе руки миссис Окли и чувствовал, как дрожат и дергаются ее ладони, словно рвущиеся из силков птицы.

– Ну хватит! Приди в себя! Тебе нечего волноваться. Я не хочу тебе зла и прошлое ворошить не буду. Меня все устраивает. И ноги моей тут не было бы, однако у нас с Мартином общие дела, и мне рано или поздно пришлось бы познакомиться с его женой. Я решил, что нам лучше встретиться один на один, без посторонних.

Даже самый слабый человек способен дать отпор, если угроза достаточно серьезна. Линнет Окли рывком высвободила руки.

– Ты сбежал и позволил мне думать, будто тебя нет в живых!

– Девочка моя, что за упреки! Мне улыбнулась удача. Я воспользовался случаем. Забыла, в какой мы были яме? Надо было вылезать из болота – не вечно же в нем сидеть!

– А меня ты бросил пропадать? – воскликнула она.

Грегори Порлок рассмеялся.

– Ну что ты, дорогая! Я был уверен, что моя Линнет найдет новый источник дохода. И не ошибся – нашла, причем более стабильный и внушительный. Как там в песенке поется? «И красавица томится чего-то там, а клетка золотая парам пам-пам».

Линнет Окли стукнула его кулачком – словно птичка клюнула. Он только рассмеялся.

– Перестань, не глупи! Понимаю, тебе нелегко, но времени у нас немного. Вот что я тебе скажу, а ты запомни: семь лет назад ты была на семь лет моложе, а выглядела лет на десять лучше, чем сейчас. Когда я пропал, ты предусмотрительно объявила меня погибшим, чтобы спокойно искать нового покровителя. Сейчас не делай глупостей, а то лишишься насиженного местечка! Непонятно, что с тобой тогда будет. Ладно, не пугайся – пусть все остается как есть, я вовсе не возражаю. Мартин ведь уверен, что ты вдова?

Миссис Окли расплакалась.

– Я правда думала, что вдова... Я думала, ты мертв.

В его глазах плясали насмешливые огоньки.

– Знаешь, наш суд суров – потребует свидетельство о смерти. Ты, естественно, надеялась, что я помер, – иначе как бы ты вышла за Мартина? Выдала, так сказать, желаемое за действительное. Вряд ли суду это понравится. Дай-ка вспомнить, сколько ты меня оплакивала, втайне надеясь на мою кончину, прежде чем выскочить замуж? Месяцев шесть?.. Ох, нет, целых девять! Впрочем, более долгого траура я, вероятно, не заслужил. Однако законники люди негибкие и двоежества не поощряют.

Тут Порлок отметил, что слегка перестарался с угрозами, так как миссис Окли все же испустила крик. Не то что бы очень громкий – слишком она была перепугана, но тем не менее крик. А крик, как правило, вызывает любопытство окружающих. И Порлок сменил саркастический тон на ласковый и доверительный.

– Не бойся, Линнет! Разоблачение улыбается мне не больше, чем тебе, – у меня тогда дело не выгорит. Хотя я-то закон не нарушал, в отличие от тебя. Но меня интересует успех дела, а значит, и твой брак разрушать мне незачем. У вас ведь сынок, правда?

Теперь она смотрела на него с еще большим ужасом.

– Да, Марти...

– Ладно-ладно, Марти никто не трогает. Слушай внимательно! Способна ли ты держать язык за зубами?

– Конечно...

– Как правило, неспособна. Однако в данной ситуации... когда на кону самое дорогое, ты хотя бы попытаешься. Не вздумай плакаться Мартину: он выставит тебя на улицу, а я подам на тебя в суд за двоежество. Одно слово Мартину или кому-либо еще – и пиши пропало. Поняла?

– Да, Глен...

– И не называй меня Гленом, а то проговоришься! Запомни – я Грегори Порлок, для друзей – просто Грег. Называй меня Грегом, даже мысленно – тогда быстрее привыкнешь. И хватит так на меня смотреть – убивать я тебя не намерен.

Миссис Окли и правда выглядела так, словно ей приставили к горлу нож. Все мышцы сжались, в глазах застыл страх.

Мистер Порлок протянул руку (отчего она болезненно поморщилась, как всякий раз при его приближении) и похлопал ее по плечу.

– Дорогуша, я скажу одну важную вещь, и тебе сразу станет лучше, так что соберись! Понимаю, сообразительностью ты никогда не отличалась, но хотя бы попытайся понять. Слушай! Я не буду рушить твой брак с Мартином Окли. Поняла?

Она мелко закивала.

– Теперь слушай дальше! Я никому не скажу, что мы знакомы. Если ты будешь держать язык за зубами. А если проболтаешься Мартину или любой другой живой душе – пеняй на себя. Я в ту же секунду приму меры. Поняла?

Опять мелкие кивки.

– Крайне выгодное для тебя предложение. Сохранишь Мартина, его деньги, положение в обществе, репутацию, ребенка... в тюрьму опять же не сядешь. Приятно, да? Взамен я попрошу сделать две вещи. Первое: держать язык за зубами. Уж не знаю, как ты справишься, поскольку тебе это несвойственно. Второе... – Тут он замолчал, устремив на нее внимательные смеющиеся глаза.

Ужас слегка отступил. Чуть ослабил хватку, прежде чем сжать сильнее. Порлок откинулся на спинку и, улыбаясь, смотрел на нее из своего угла, а она застыла в ожидании.

– Слушай, Линнет! Я хочу попросить тебя кое о чем. Небольшая услуга – и больше я тебя не побеспокою. Нас с Мартином связывает деловая сделка. И конечно, каждый преследует свой интерес. Мне пригодилась бы кое-какая информация. Он сегодня придет домой с некими

бумагами, на которые я очень хотел бы взглянуть. Они будут у него в дипломате, и мне нужно их увидеть.

– Нет! Не могу! Не могу!

– Ну-ну, перестань! Это же раз плюнуть! Когда Мартин уходит переодеваться к ужину, где он обычно оставляет дипломат?

– В кабинете... Но не могу же... Дипломат все равно заперт...

– В кабинете... А кабинет прямо под твоей комнатой?

– Я не могу!

– Дорогая моя, я стараюсь держать себя в руках, однако, если ты не перестанешь нести вздор, того и гляди рассержусь. Ты ведь не любишь, когда я сержусь, правда? Никогда не любила.

Линнет задрожала всем телом. Ей вспомнилось все – яркие, отчетливые картинки, мучительные образы. Тот, кто не видел Глена в гневе, вряд ли поверил бы, насколько он бывает страшен.

Он рассмеялся.

– Ну вот и договорились! Сделай, что велено, и все будет хорошо. Значит, так: пока Мартин переодевается, ты пойдешь в кабинет, поставишь дипломат на подоконник и отопрешь окно. Больше ни о чем не прошу! Когда Мартин вернется с ужина, дипломат будет уже на столе, и твой муж ни о чем не догадается. Ну и если случайно забредешь в кабинет после десяти вечера и запрешь окно, будет здорово.

Перепуганная насмерть, она все же выдавила:

– Я не могу...

– Что ж тут сложного?

– Я, конечно, плохо разбираюсь в делах, – ответила Линнет, теребя пальцы, – однако не так глупа, как ты думаешь. Ты увидишь бумаги и заработаешь на этом, а Мартин, соответственно, потеряет...

– Совершенно верно! Причем кругленькую сумму! Раз уж ты такая умница – представь теперь, сколько он выложит, чтобы спасти твою репутацию и избавиться от скамьи подсудимых. Не говоря уже о сыне – чтобы его не объявили незаконнорожденным. Сдается мне, тут Мартин не покусится. Он же тебя любит, правда?

– О да...

– И мальчика?

– Ох, Глен!

– Я тебя и правда убью, если будешь называть меня Гленом! Повтори-ка, только правильно! Ох, Грег!

Она повторила сдавленным шепотом.

– Так-то лучше. Сумма, которую потеряет Мартин, – это плата за безопасность жены и сына, за мир и спокойствие в семье. Думаешь, он пожалел бы денег, если бы знал? Нет, конечно! Вдвое больше заплатил бы! Я сам удивляюсь, почему так мало прошу – не мой размах.

Линнет Окли не сводила с гостя глаз. Нет, ей не под силу противиться Глену, она уступит – изначально было понятно. Она не может потерять Мартина! И ни за что не сядет в тюрьму. Мартин ей не позволит. За нее и за Марти он отдаст любые деньги. Деньги не главное.

И она спросила заискивающе:

– Если я соглашусь, ты обещаешь... точно-точно ли ты обещаешь ничего не говорить Мартину?

Грегори Порлок расхохотался.

– Дорогуша, мне совсем не выгодно посвящать его в курс дела! Это даже ты могла бы сообразить!

Глава 10

Обратно в Милл-хаус доехали в тишине и спокойствии. Мартин Окли сел впереди рядом с шофером и не проронил ни слова. Заднее сиденье было целиком в распоряжении Доринды. Она устроилась в уголке с подушечкой и теплым пледом, смотрела на проплывающих мимо прохожих и ощущала прилив благодарности. Мартин Окли точно не Подлый дядюшка – уже хорошо! Он всего лишь Марти, только взрослый и успешный. Та же бледная кожа, мрачный взгляд и манера то и дело нервно хмуриться, совсем как Марти, когда замышляет недоброе. Правда, в отличие от разговорчивого сына, мистер Окли был молчалив, за что Доринда также была благодарна.

Правильно она не послушала Джастина и не стала увольняться – работа обещала быть вполне приятной. Ее опыт, хоть и не слишком богатый, подсказывал, что работодатели замкнутые и немногословные – на вес золота. В основном они как одержимые рвутся общаться. Доринда мысленно поздравила себя и подумала, что Джастин зря ее отговаривал – если нашла неплохое место, надо за него держаться, а то займут – претенденток море.

Доринда нащупала брошку. Потом сняла, полюбовалась и, тепло улыбаясь, снова надела. До чего же мило с его стороны! А она даже не поблагодарила по-человечески – побоялась рыдаться у всех на виду в ресторане. Вот уж чего-чего, а слез в общественном месте Джастин точно бы не одобрил – это, по его мнению, несмываемый позор. Поэтому в ресторане она предпочла молчать. А сейчас решила, что после вечернего чая напишет Джастину письмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.